

2. Крючков Ю.С. Имя на борту. М.: Транспорт, 1989. 157 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://coollib.com/b/594440/read?ysclid=ldna7x3mcw506221445>. Дата обращения: 14.02.2023.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
4. РКК Энергия. Дмитрий Рогозин посетил РКК «Энергия» // Госкорпорация «Роскосмос» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.goscosmos.ru/27852/>. Дата обращения: 14.02.2023.
5. Россия – номенклатура вооружений // Военный паритет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.militaryparitet.com/nomen/russia>. Дата обращения: 14.02.2023.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
7. Широков А. «Зверинец» на царской службе // Мир тесен [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://civil-war.mirtesen.ru/blog/43852814204/-Zverinets-na-tsarskoj-sluzhbe>. Дата обращения: 14.02.2023.

УДК 81:39; 81'282.4

**ЛЕКСИКА СФЕРЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В РЕЧИ УКРАИНСКИХ
ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ПРОЦЕССЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА ТЕРРИТОРИЯХ СМЕШАННОГО ПРОЖИВАНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ***

Н.А. Стародубцева

*Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация*

В статье анализируются единицы, характеризующие сферу домашнего обихода в устной речи жителей украинских поселений на территориях бытования донских говоров. Рассматриваются семантические и функциональные особенности украинизмов и русизмов в процессе межъязыкового и междиалектного взаимодействия в поликультурном пространстве.

Ключевые слова: лексика материальной культуры, сфера домашнего обихода, межъязыковое взаимодействие, русский язык, украинский язык, донские говоры.

Проблемы взаимодействия и взаимовлияния русского и других близкородственных языков неоднократно становились предметом специального рассмотрения ученого-слависта, профессора Л.Б. Карпенко, которая в своих трудах выявляет общность их духовных традиций и ценностной систе-

мы [7; и др.], размышляет о судьбе русского языка на постсоветском пространстве и пытается осмыслить тенденции интеграционных и дезинтеграционных языковых процессов в настоящее время [6].

Необходимость описания современной культурно-языковой ситуации в ее региональном проявлении и изучения способов фиксации этнокультурной информации в речи диалектоносителей на территориях позднего заселения признаются в числе важнейших задач современной диалектологии и этнолингвистики [8; 9; 13; и др.].

Предметом нашего внимания являются особенности обиходно-разговорной речи украинских переселенцев и их потомков, членов смешанных русско-украинских семей, компактно проживающих в пунктах распространения донских говоров в Иловлинском, Киквидзенском и Урюпинском районах Волгоградской области. Представители данного этноса, несмотря на сохранение элементов украинской культуры в своем быте, выделяют себя в самостоятельную этнографическую группу с помощью самоназвания «хахлы» (с аканьем), считают себя частью российского общества и отделяют от украинцев, живущих на Украине или приехавших оттуда в недавнее время: *У нас сноха тоже, Надя Колина. Та вообще тагда приехала, нас не понимала. Украинка. Хохли нас не понимали!... У меня брат там служил на Украине и жинку привиз. Надю, да... Но там, конешна, Надька украинка действительна* (Вечерова Н.С., 1957 г.р., с. Семеновка, Киквидзенского района); *Та так же все разговариваем фси, як и ми. И вообще мы не украинцы* (Козырева Н.А., 1949 г.р., с. Семеновка, Киквидзенского района); *Ну, балакаем по-хахлячы, а пишим фси мы русские. И дети фсе так же балакают... Ну, украинский совсим ни такие говор и слова* (Домородова А.М., 1922, с. Семеновка, Киквидзенского района).

В языковом плане говоры данных территорий характеризуются неоднородностью, обусловленной сочетанием черт южнорусского наречия и восточнукраинских диалектов. Анализ записей устной речи жителей названных выше районов свидетельствует о том, что в данных местах проживают как те, кто родился на волжской земле и чьи родителями были украинцами, так и те, кто мигрировал сюда в результате историко-политических событий (Вторая мировая война), по социально-экономическим (приехали на заработки и остались) или личным причинам (навещать родственников).

Сбор и накопление материалов по спонтанной речи диалектоносителей в процессе экспедиционной работы позволяют выявлять новые данные о том, что остается живо в народном сознании и что подвергается трансформации под влиянием местных, локальных особенностей функционирования русского языка в его разговорной разновидности, при формировании полу-диалектов. При этом наиболее эффективным в экспедиционном обследова-

нии является применение метода направленной беседы, когда записывающий может задавать наводящие вопросы, подавать отдельные реплики, использование методик опроса информантов, которые дают возможность фиксировать любые виды спонтанной речи, ценные диалоги и беседы жителей между собой, рассказы о повседневной жизни, семье, типичных занятиях; в ряде случаев важные уточнения могут быть сделаны в ходе прямого опроса диалектоносителей.

Как отмечают ученые, регионы со смешанным составом населения «создают неповторимую этносоциальную ментальность жителей, которая выступает фактором, определяющим современное развитие национальных культур на данной территории» [1, с. 4]. Важность исследования лингвистических основ устойчивого цивилизационного единства этнически родственных групп населения – казаков и украинцев – определяется спецификой процессов, способствующих сохранению и закреплению в языке представлений о материальной и духовной культуре народа, историческим развитием региона, разноплановостью проявления славянской языковой личности в поликультурном социуме, в том числе в билингвальных ситуациях, сопряжением интегрирующих и дифференцирующих тенденций формирования естественного речевого континуума [14, с. 119].

Особенности отражения в речи многообразия окружающей действительности дают возможность изучать специфику организации важнейших семантических сфер лексикона, среди которых выделяется, прежде всего, система обозначений объектов материального мира [16, с. 505]. Одно из звеньев этой системы, по-прежнему требующих исследовательского внимания, остается лексика сферы домашнего обихода, важность исследования которой обусловлена ее свойством номинировать предметно-понятийный фонд, фиксирующий традиционный уклад жизни того или иного этноса, и в то же время быть средством отражения культурно-символического содержания, «чутко» реагировать на изменения в этом укладе, обусловленные появлением новых реалий и исчезновением прежних.

В научных работах данное лексическое множество характеризуется различными терминами и понятиями: *бытовизмы, предметы быта, обиходная (бытовая) лексика, обиходно-бытовая лексика* и др. Однако самое понятие «обиход» в лексикографических источниках получает многоплановое толкование, указывающее как на конкретные номинации, так и на абстрактные явления и процессы. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля дается такое определение: «хозяйство, домашнее или ремесленное, промысловое, в значении дела и предмета его, всех принадлежностей» [4, т. 2., стлб. 1509]. В «Словаре современного русского литературного языка» под *обиходом*, прежде всего, понимается «повседневная жизнь в ее постоянных, привычных проявлениях; строй, порядок,

уклад жизни; употребление, пользование в обычной, повседневной жизни, в быту» [12, с. 152], далее с пометой *простореч.* указываются «предметы хозяйства, быта, домашняя обстановка» [Там же, с. 153]. Таким образом, критерием для включения словесных единиц в данную сферу является наличие в значении слова семантического компонента «в быту», «в домашнем обиходе», «в домашнем хозяйстве» или их вариантов [5, с. 9].

В рамках настоящего исследования ограничимся анализом лексических средств выражения данной сферы как фактов материальной культуры. Языковеды внутри данного класса рассматривают единицы, номинирующие повседневную одежду, обувь и их элементы, типичное жилище и его составные части, домашнюю утварь (кухонную посуду, различные хозяйственные принадлежности, приспособления и инструменты), продукты питания, изготавливаемые из них блюда и напитки, мебель и предметы домашней обстановки и т.п.

Специфику употребления анализируемых слов в лексиконе диалектоносителей представляется целесообразным рассмотреть посредством выявления лексических параллелей, обнаруженных в речи украинских переселенцев и их потомков при описании типовых ситуаций, характеризующих устройство домашнего быта. Классификация исследуемых элементов включает эквиваленты и аналоги, употребляемые носителями говоров как в рамках одного литературного языка и/или диалекта, так и разных языковых систем, что связано с узуальными формами общения, формирование которых обусловлено культурно-историческим взаимодействием коренных жителей и переселенцев в течение длительного исторического периода [15]. Инонациональное языковое влияние осложняется также процессом взаимодействия литературного языка и диалекта, распространенного или диаспорально представленного на данной территории, который во многих ситуациях является орудием общения этнически родственного населения – представителей разных славянских народов.

В качестве элементов межъязыкового характера в массиве фактов были зафиксированы единицы и описательные выражения, отражающие явления украинского и русского литературного языков. Это наблюдается, прежде всего, в описании различных бытовых ситуаций: применения в хозяйстве домашней утвари, эксплуатации жилища и хозяйственных построек, использования продуктов питания для приготовления пищи, например: *рушник* (укр.) – *полотенце*; *гончірка* (укр.) – *тряпка*; *скриня* (укр.) – *сундук*; *драбина* (укр.) – *лестница*; *хата* (укр.) – *дом*; *хлів* (укр.) – *сарай*; *олія* (укр.) – *растительное масло*, *постное масло*; *картопля* (укр.) – *картофель*; *бурак* (укр.) – *свёкла*; *цибуля* (укр.) – *лук*; и др. Отмечены также случаи функционирования общеславянских, русских и украинских, разговорных форм и конструкций, как правило, при номинации продуктов питания и кухонной

посуды: *картошка, капуста, помидорка, ягодки, яички, кастрюлька, крышечка, ложечка*; повседневной одежды: *фартучек, кофточка* и др.

Анализ записей диалектоносителей показывает, что информанты – носители украинского языка – при описании будничных ситуаций часто употребляют лексические элементы разных языковых подсистем в рамках высказывания, используя в своей речи русские литературные (или разговорные) слова и диалектизмы: *компот– взвар* «компот из сушеных фруктов» [2, с. 76]; *колотить масло – сбивать масло – пахтать* «взбивать (сметану, сливки и т.п.); сбивать масло из молока» [11, с. 296]; *держатель – чапльийка* от *цапля / чапля* «сковородник» [2, с. 570]; и др. Например, на один из вопросов о жизни в предвоенные тридцатые годы так отвечает жительница села Мачеха Киквидзенского района Е.А. Рыжих, 1929 г.р.: [А что ели?] *Ну цю и кашу, взвары там, ци, суп, тыква, буряк. Вот такэ. Кампот варили, вместо сахара клали ябллка или груши и свёклу*; этническая украинка из х. Дьяконовского Урюпинского района М.Т. Авилова, 1928 г.р., раскрывает процесс приготовления сливочного масла в прежние времена: *А масло, шперва пахтали ў бутылки, бутылка или то ў буты, а потом от така пахтушка деревяна и крест, сделана так деревяна и туды выливаешь сметану и сбивали масло, ўкусное было масло, сметана*; представительница смешанной русско-украинской семьи из с. Мачеха В.Д. Юрченко, 1950 г.р., описывает использование кухонных приспособлений: *От уси ж ваши горшки, чи чапльийки, яки сковоридку беруть, держатели по-русски сейчас, а то чапльийка була, якої мы блянци ж пэкли*.

Отдельную группу бытовизмов, зафиксированных в речи украинцев, составляют диалектные (донские) и украинские соответствия: *буряк / буряк* (укр. и донск.) – *свекла*; *кавун* (укр. и донск.) – *арбуз*; *гарбуз* (укр. и донск.) – *тыква*; донск. *запён* «женский фартук, передник» [10, с. 232] – *фартук* (рус., укр.), *цыбуля* (донск.) – *цибуля* (укр.) – *лук*; *рушник* (укр. и донск.) – *полотенце*, *казан* (укр. и донск.) – *котел*; *гличик* (укр. и донск.) – *кувшин*; *качалка* (укр. и донск.) – *скалка*; и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что диалектоносители могут не давать никаких пояснений к гетерогенным лексическим единицам, воспринимая их как немаркированные в условиях естественного общения в поликультурном социуме: *Мягэньки пирожочки на чисту ситцеву тряпочку или на рушничок складайтэ, они пидходят. Тодди олии нальвайтэ, подсолнечною масла, в сковоридку и берить ти пирожочки, яки пэрви слэпылы, и кидайтэ их и до румяноу цвета* (В.Д. Юрченко). Для живой речи характерна также семантизация слова с помощью маркеров времени, места, образа действия и др. (*сейчас, у нас, тут, мы называем, по-русски, по-украински* и др.), что отражает иллюстративный характер толкования значения, основанный на личном опыте говорящего [17, с. 10]: *Капусту*

любу, девочки, змывайтэ водою... Мы её называем **зиллѣ, капусту** (Юрченко В.Д.), где *зілля* «трава, зелень» [3, с. 358]; *Да-да, кухня мне у них понравилась сразу, я помню, эта, свикрофь мне сварила суп, не суп, ну, он называется **капусняк по-украински*** (Чисница С.А., 1950 г.р., ст. Тепикинская Урюпинского района).

Часто информанты, когда говорят «по-хохлячьи», включают в свою речь русизмы, не выделяя их в речевом потоке: *В цэ время **лук** у вас нашинкованный мелко на тарилки и морковка руками нарезана на полосочки. Борщ, конечно, мы варимо... Там же будут кисточки, там же будэ всё, но, девочки, обязательно – тэрты **свѣклу** на терку и обязательно помидоры з бочки или свежи колы есть* (В.Д. Юрченко). Используемые в рассказах о приготовлении блюд русские названия продуктов *лук* (вместо укр. *цибуля*) и *свекла* (вместо укр. *буряк*) служат наглядным примером «смешанной речи», свидетельствуя о сложном характере культурно-языкового взаимодействия родственных славянских народов.

Рассмотренный материал позволяет говорить о том, что лексические единицы, относящиеся к сфере домашнего обихода, широко представлены в лексиконе украинских переселенцев и их потомков, маркируют самобытные явления в местах, отличающихся полиэтничным составом населения, и отражают живую связь системного и функционального в языке. Исследуемый семантический фрагмент характеризует значимый пласт материальной культуры народа, фиксируя происходящие в ней изменения и дополняя сведения о процессах, сопутствующих формированию многонационального континуума.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215>.

Библиографический список

1. Бангоян Е.С. Тематическая группа «Предметы быта» в диалектах юго-запада Брянщины: лексико-семантический, сопоставительный и этнолингвистический аспекты: дисс. канд.филол.н. Брянск, 2020. 223 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний. М.: Рус. слов. : Астрель : АСТ, 2003. 608 с.
3. Ганич Д.И., Олейник И.С. Русско-украинский, украинско-русский словарь. 7-е изд., доп. и переработ. Київ: А.С.К., 1998. 560 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб. ; М.: М.О. Вольф, 1903–1909. Т. 2: И–О. 1905. 2030 стлб.
5. Загоровская О.В., Клесарева К.А. Иноязычные неологизмы сферы домашнего обихода в языковом сознании современных носителей русского языка

// Современные проблемы лингвистики методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2020. № 30. С. 8-12.

6. Карпенко Л.Б. Русский язык как «преемник общеславянского литературного языка» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года): в 15 т. Т.6. 2015. С. 241–247.

7. Карпенко Л.Б. Аксиологический подход в преподавании языка как фактор эколингвистики // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2018. Вып. 12. С. 18–27.

8. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 767 с.

9. Северьянова А.А. Украинские говоры Волгоградской области // Вопросы краеведения: материалы VI и VII краев. чтений. Вып. 4–5. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 256–259.

10. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. 352 с.

11. Словарь русских народных говоров/ гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Л.: Наука. Вып.25. 352 с.

12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т / под ред. В.И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т.8. 1959. 1840 стб.

13. Супрун В.И., Брысина Е.В. Языковая ситуация в Волгоградской области // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2015. № 3(98). С. 154–160.

14. Тушикова Н.А. О специфике славянской языковой личности в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинцев на территориях позднего заселения // *Slavia Orientalis*. 2018. Т. LXVII. № 1. С. 117–127.

15. Тушикова Н.А. Стародубцева Н.А. Лексические параллели в речи представителей русско-украинских семей как отражение культурно-языковых контактов славянских народов // *Rossja w Dialogu kultur*. Том 1 / pod red. K. Dembskiej, M. Gluszkowskiego. Torun: Wyd. Naukowe Uniwersytetu M. Kopernika, 2015. S. 303–315.

16. Тушикова Н.А. Стародубцева Н.А. Обозначение процессов, направленных на деструктивное изменение объектов материального мира, в речи носителей донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 504–515.

17. Тушикова Н.А. Стародубцева Н.А. Способы семантизации диалектной лексики в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 5–19.